

Алексей Мальцев

ЭТО НЕ МОЯ ЖИЗНЬ

Аллея

Алексей Мальцев

Это не моя жизнь

Издательство "Руда"

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Мальцев А. В.

Это не моя жизнь / А. В. Мальцев — Издательство "Руда",
2020 — (Аллея)

ISBN 978-5-6043363-9-7

Книга о хрупкости и условности границ, отделяющих нас как от прошлого, так и от будущего. Пронизанная ностальгией реальность здесь похожа на галлюцинацию. Кто из нас хоть раз да не сокрушался по поводу своих ошибок в прошлом! Если бы у нас была возможность всё прожить заново! И не просто так, а с сегодняшними знаниями! Главный герой романа – Аркадий Измestьев – такую возможность получает. Ценой предательства близких, ценой измены своим принципам он хотел ухватить за хвост мифическую птицу удачи... Какое будущее нас ждёт при подобном смещении акцентов? Куда может завести сакраментальное, почти ленинское «плюс виртуализация всей планеты»? Как такое вообще может прийти в голову?! Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6043363-9-7

© Мальцев А. В., 2020
© Издательство "Руда", 2020

Содержание

Часть первая	6
За день до катастрофы	6
Август как предчувствие	8
Чайник браги	11
Поворот, проходной двор, клиника	13
Знакомая «бумаженция»	16
Секс накануне перестройки	18
Русалка без дельфина	22
Крутой попкорн	24
Самородок	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Васильевич Мальцев

Это не моя жизнь

© Издательство «Руда», 2020

© А. В. Мальцев, 2020

Часть первая Свет прошлого

За день до катастрофы

Что такое безотцовщина – дети никогда не узнают. Достаточно, что сама нахлебалась этого по самые ноздри. Даже если иссякнет любовь, как высыхают родники в засушливое лето, она приложит все силы, будет грызть землю, но семью постарается сохранить. О самолюбии и гордости феминистки всякие пусть треплются со страниц жёлтой прессы и с телеэкранов. У ребёнка должен быть отец. У мальчика, у девочки – не важно, семья должна быть полной.

Выдавив на влажную мочалку янтарную каплю геля, Женя вспенила его и начала растирать по телу.

Вот мать её, к примеру...

Поймав себя на том, что других примеров нет в принципе, девушка какое-то время стояла неподвижно по колено в пенистой ванне. Вообще-то ей не хотелось тревожить в памяти «пермский» период их жизни. Зачем, ведь московский «стартовал» так удачно! К тому же для матери Пермь была городом, где прошла мятежная, как она сама любила выражаться, юность. Перебираться в столицу она не собиралась: банковский бизнес у неё, видите ли... Носилась со своим АВАКС-банком, как с писаной торбой.

Гордости у родительницы хватило бы на пятерых. Но что и кому она доказала этой гордостью? Дочь прекрасно помнила, как просыпалась среди ночи от сдавленных всхлипов матери, как вертелась потом до утра, так и не сомкнув глаз. Выревевшись, мать засыпала мертвецким сном, а Женя после тщетно боролась с зевотой на уроках.

Как-то раз, вернувшись за полночь глубоко «подшофе» после очередного «корпоратива», мать разоткровенничалась. Оказывается, все мужики трусы, предатели и невежды, не способные понять женскую тоскующую душу. Им никому нельзя доверять, а тем более – связывать с ними дальнейшую судьбу.

На следующее утро, правда, мать попросила забыть, что было сказано «в пьяном угаре». Женька помнила выражение её лица при этом, – словно та собственноручно только что себе «выкорчевала» коренной зуб без обезболивающего. Потому, ускользнув к себе в комнату, прошептала: «Нет, мамочка, у тебя не всё так однозначно и прямолинейно. Ты совсем не такая, какой хочешь казаться!»

А сама она... теперь счастливая! У всех новобрачных обычно бывает медовый месяц, а у них с Костиком – медовый год. Засыпает и просыпается с ощущением чего-то нового и светлого. Порой кажется, что с мужем установлена телепатическая связь. Чувствует его приближение, знает, когда он позвонит. Константин устаёт на работе, хирургическая косметология – это ответственно. Достаточно конфликтов, жалоб. И пациентки сплошь женщины, куда от этого денешься?

Евгения взглянула в зеркало и залюбовалась собой: русалка в мыльной пене. Ни добавить, ни отнять: природа щедро одарила.

Она медленно погрузилась в пену по горло, в тот же миг ощутив на теле десятки подводных струй. Иметь джакузи дома – суперская вещь! Женя зажмурилась от удовольствия.

А наплевать на них, на пациенток этих... Она тоже женщина. Но в отличие от клиенток Костика – фотомоделей, совершенно не нуждающихся в его услугах. Рекламное агентство, куда её устроила мать, – одно из самых престижных в столице. Теперь личико постоянно появляется на обложках глянцевого журнала. Контракты с европейскими агентствами – не за горами.

Завтра вечером Константин улетает в Пермь на конференцию, у него получасовой доклад. Это основа будущей докторской диссертации по мнению столичной профессуры. Евгения гордится мужем, но предстоящие четыре дня разлуки отнюдь не радуют. Поэтому сегодняшняя ночь должна быть сказочной, фантастической. Пусть запомнится, чтобы в городе детства и юности глаз молодого хирурга не прилипал ко всяким интриганкам. Уж она постарается...

Евгения не торопилась: пусть «Ромео» в предвкушении блаженства слегка истомится под одеялом, пусть в его голове родятся фантазии... И когда Костик будет готов, когда начнёт «бить копытом», она появится, словно нимфа... Она выплывет, впорхнёт...

Женя собиралась потянуться за полотенцем, как в ванной погас свет. Темно стало во всей квартире – она поняла по отсутствию света под дверью.

– Костик, это ты выключил? – громко спросила. Ответа не последовало. – Костик, в чём дело? Ты решил пошутить? Разыграть? Включи немедленно, не пугай меня!

Нашупав полотенце, встала, но в следующую секунду – вновь присела. От страха. Комната осветилась ярким неоновым светом. Таким ярким, словно врубили тысячи неоновых ламп, – свет пробивался под дверь и освещал ванную практически так же, как светильник, в ней висящий. Даже намного ярче.

Обуял ужас. Что могло так вспыхнуть в комнате?! Буквально выпрыгнув из ванны, она поскользнулась на кафельном полу и упала, больно ударившись копчиком.

– Костя, что с тобой? Что происходит, Костя?

В этот момент в комнате возник нарастающий неприятный звук, словно ударник на концерте дрожащей палочкой касался «тарелок» – истошный, противный звон, своеобразное тремоло на кастаньетах. Становилось страшней. Складывалось впечатление, что в комнату влетела шаровая молния, вырубил электричество и плавает там под потолком, шевеля тенями.

Или вообще – инопланетяне пожаловали с визитом. Заберут сейчас Костика с собой, вот будет кадр!

Когда, наспех обтеревшись и накинув махровый халат, она выскочила из ванной, свет вспыхнул по всей квартире. Первое, что бросилось в глаза, – постель, в которой полчаса назад лежал и мурлыкал в предвкушении секса Константин, была аккуратно застелена. Мужа нашла в прихожей у зеркала: сильно покрасневший, с немного ошалевшими, бегающими туда-сюда глазами, он застёгивал новую, недавно купленную в бутике сорочку. Уже обутый, туфли матово поблёскивали, начищенные кремом. У ног стоял сложенный ноутбук.

– Я должен лететь в Пермь сейчас, – коротко сообщил муж, поглядывая на кухню. – Иначе не успею подготовиться.

– Что за фокусы?! – чуть не заплакала супруга. – Сейчас полночь, Костя, ты сошёл с ума!

– Я должен, понимаешь? Это даже не обсуждается. Меня завтра ночью будут ждать на железнодорожном полотне за гаражами... ещё двое. Даже не ночью, а утром, ранним утром. Необходимо успеть. От этой встречи всё зависит!

Она отодвинула мужа от зеркала, схватив влажными руками за ремень, удивившись неестественному выражению его голубых глаз. В них не было того блеска, который присутствовал раньше.

– Какие гаражи, какое полотно?! Что произошло сейчас здесь? Пока я принимала ванну! Признавайся! Кто вырубал свет во всей квартире?

– Не понимаю, о чём ты, – стараясь не смотреть жене в глаза, он с силой отодвинул её в сторону, схватил с вешалки пиджак. Когда за Константином захлопнулась дверь, Евгения опустилась на банкетку и начала всхлипывать. Губы скривились, как в детстве, когда в пермском дворе кто-нибудь отбирал новую куклу.

Август как предчувствие

– Девушка, будьте добры, гелевую авторучку, пожалуйста, на минутку, только курсовую подписать. Представляете, подписать как раз забыл... Я тут же отдам, честное слово.

Юное безусое лицо в окне киоска вызывало доверие, располагало. Тонкие пальцы нервно барабанили по стеклу. Девушка, которой меньше тридцати дать было невозможно, тем не менее, насторожилась:

– Так купи, парень! Всего ничего, червонец... Какие наши годы! Пригодится в учёбе-то! – и, как бы про себя, заметила: – Надо же, такой молодой, и уже курсовую пишет!

– Зачем? Есть у меня авторучка, – недоумевающе протянул «студент». – Я на пару минут всего прошу-то!

– А где ж курсовая-то? – продавщица придирчиво оглядывала парня с ног до головы. – Ни дипломата, ни портфеля, ни сумки... Из-за пазухи, что ли, достанешь?

– Вам чего, жалко, да? – взмолился парень, явно теряя терпение. – Вот уж никогда бы не подумал.

– Ладно уж, подписывай свою курсовую, – словно устыдившись своего недоверия, она сдалась и протянула авторучку. – Так уж и быть.

Паренёк быстро перебежал через дорогу и нырнул в проходной двор. Через минуту он стоял в телефонной будке и трясущимися пальцами старательно разворачивал бумажный пакетик. Вскоре из пакетика на заранее приготовленный листок бумаги просыпался белый порошок. Вынув из кармана только что купленную ручку, быстро её раскрутил. Стержень выбросил в урну, а стеклянную трубочку вставил себе в ноздрю. Аккуратно «всосав» порошок, он какое-то время стоял с закрытыми глазами, потом не спеша вышел из будки и побрёл в сторону шумного проспекта. Ненужная стеклянная трубка покатила по асфальту.

Через пару минут парень полулежал с закрытыми глазами на скамейке, на подрагивающих губах гарцевала чуть заметная улыбка. Он не заметил, как рядом опустился средних лет коренастый мужчина с седеющими висками, одетый в серый плащ.

– Что, опять на подсосе? – поинтересовался у паренька. – Не слишком часто в последнее время? И где только деньги берёшь?!

– Ты, что ль, подкатил, попс, блин? – нараспев протянул парень, открывая глаза. – Тихонько причалил, как крыса. Шёл бы мимо – нет, надо обязательно кайф обломать! У меня каникулы, неужели непонятно! Я в вашу с матерью пургу не встречаю, так и вы оставьте меня в покое. Сам уплывёшь или мне встать?

– Ты бы мать пожалел, Савёл! Если на меня и себя наплевать, – озираясь по сторонам, чтобы никто не слышал, начал выговаривать мужчина. – Деньги, небось, у неё выклянчил?

– Ну, понеслась бодяга! – парень медленно поднялся и побрёл вдоль аллеи. Повернулся, крикнул издали: – Ночевать не приду, попс... Из-за тебя! Так маман и передай. Это чтоб не искали понапрасну.

Отец какое-то время смотрел ему вслед, потом достал из кармана пустую пачку «Мальборо», скомкал и начал вертеть в руках. Глаза при этом блестели.

Запылённая листва тополей почти не шевелилась. Он стал часто замечать в последние дни эти паузы без ветра, и почему-то становилось в такие минуты не по себе. Станный в этом году выдался август, словно что-то должно случиться в ближайшее время. Не только в природе, но и в отдельно взятой человеческой жизни...

Звали мужчину Аркадий Измestьев. В тысячный раз он задавал себе вопрос, когда мог «проворонить» сына. Полтора года назад их с Ольгой словно обухом по голове саданула новость: их пятнадцатилетний Савелий – законченный наркоман. Лечение в престижных клиниках, в которые пристраивали парня, сколько-нибудь ощутимого результата не приносило.

Савелий держался потом не больше месяца. И – срывался, словно демонстрируя родителям, насколько ничтожны их попытки что-либо изменить.

Не «садить» же на «заместительную терапию» такого молодого! Хотя, что скрывать, данный вопрос не раз и не два поднимался в разговорах с врачами. Доктора при этом всегда занимали резко отрицательную позицию.

Аркадий перестал ходить на родительские собрания, взвалив это на хрупкие плечи супруги. Звонки из милиции, вызовы токсикологической бригады, поиски по притонам – сколько всего случилось за это время, невозможно себе представить. В конце бесконечного туннеля света не просматривалось. Деньги в семье Измествьевых, если они и были какие-то, перестали водиться окончательно.

* * *

От грустных мыслей отвлек остановившийся неподалёку чёрный «лексус». Вернее – ступившая на асфальт из проёма задней дверцы ножка в лакированной туфельке. Она застыла на секунду, как бы давая себя получше рассмотреть. И Аркадий беззастенчиво на неё уставился, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

Да, ему под сорок. Ну так что, он перестал от этого быть мужчиной? В той беспросветности, что выпала ему в последние месяцы, подобные чудесные миги готов ухватывать, как глотки живительного воздуха во время заплыва кролем на двести метров.

Обладательница прекрасной ножки тем временем явилась перед взором целиком. Кольнув при этом в самое сердце: там шевельнулось нечто совсем забытое. В груди становилось теплее с каждым шагом женщины.

Наконец, от обрушившейся на него догадки Аркадий выронил скомканную пачку и пристал. Не может быть! Стройная фигурка элегантно проплыла мимо, не удостоив Измествьева взглядом.

Модный бордовый пиджак с юбкой, косынка в тон костюма, сотовый телефон прижат к уху, солнцезащитные очки. Бизнесвумен, кажется – так их называют.

От Жанки Алеевской, бывшей одноклассницы, пожалуй, ничего и не осталось. Но это она, нельзя ошибиться! Следом за ней, как водится, зеркально выбритый браток в костюме за пятьсот евро. Вопросов нет...

Обрывок разговора долетел до ушей, подтвердив догадку. Её голос он не может спутать:

– С кредитами поосторожней там, Климушка. Они наших процентов не знают, прикинь по обстоятельствам. Сразу не шокируй. С активами сама разберусь...

– Жанна! – не ожидал, что получится так громко. Она застыла, обернулась, бросив в трубку короткое: «Я перезвоню». Браток в костюме взглянул на Измествьева так, будто тот смог на ринге против него «достоять» до второго раунда.

– Мы знакомы? – она подошла к Аркадию на расстояние вытянутой руки, ближе браток не позволил. – Или мне показалось?

– Жанна, это я... Измествьев... Арка, – затараторил, проглатывая по полслова. – Одноклассник твой. Не помнишь?

В карих глазах появилась искорка.

– Да, да, что-то припоминаю, – она улыбнулась, жестом показывая братку, что волноваться не стоит. – Подходи завтра к банку... часикам к пяти. Я как раз освобожусь. У нас будет... пара минут на болтовню.

Резко развернулась, давая понять, что на сегодня разговор закончен. В кармане Аркадия внезапно «проснулся» сотовый. Он автоматически поднёс трубку к уху. Ах, чёрт, как не вовремя!

С ним поздоровался мужской голос, странно представился: то ли Карлом, то ли Шлоссером. Аркадий пробормотал:

– Потом, земляк, сейчас не могу. Всё – потом, потом.

Отключившись от собеседника, спрятал трубку в карман, и не мог оторвать глаз от удаляющейся фигурки. Внезапно чья-то рука легла на плечо:

– Не грузись, попса, телуха явно не для твоего стойла. – Савелий стоял рядом и мутно улыбался. Отец отбросил руку сына, резко отвернулся и пошёл прочь. Вслед ему несло: – Вот кабы ты на такой же тачке подкатил, тогда тебе... респект и уважуха, а так...

Чайник браги

Как корабли возвращаются в гавань, самолёты – на аэродром, так и бригады «скорой помощи» – на родную подстанцию. После нескольких тяжёлых вызовов, когда больные развезены по клиникам, можно расслабиться, потравить анекдоты, в том числе и сальные...

На самом въезде в город, перед постом ГИБДД, «газель» с красным крестом на борту упёрлась в пробку. Тут же заморосил дождь. Пахомыч, водитель, включив дворники, в сердцах ударил по рулю:

– Вот не могут у нас без накладок! Не могут! Что за канитель опять? Кому в задницу кран вставили? Купят права, ездить толком не умеют. А туда же!

Медсестра Леночка, колдуя над своим мобильником, откликнулась тотчас:

– Ты прям как вчера родился, дядь Паш... Не бери близко к сердцу, береги нервную систему.

– У тебя она, конечно, в полном ажуре, – огрызнулся водитель. – В розовом и голубом! Всем хахалям своим СМСки расфасовала? Или остался кто? Не охваченный твоим... гм... роумингом?

– Вдруг действительно авария? – предположил фельдшер Олег, прокручивая на айпаде одну за другой страницы захватывающего боевика. – Или, не дай бог, катастрофа! Темнеет рано, в сумерках всякое случиться может.

«Кажется, это называется скроллинг», – подумал Измestьев, глядя, как ловко бегают пальцы фельдшера по планшету. – Можно и тебе, доктор, научиться так же, но не хочется». В полемике он участия не принимал, своими проблемами делиться не привык.

Ему скоро сорок, а он всё носится по городу, как подмастерье. Хотелось бы остепениться. Годам к тридцати пяти понял, что его дело – хирургическая косметология. Была некогда мысль – подавать на хирургический поток. Сейчас бы сертифицировался без проблем, но он – терапевт. Здесь специализации другие. Никуда от этого не деться. Поле деятельности отфлажковано, не выпрыгнешь.

Однокурсники давно в клиниках, диссертации пишут... А он словно не повзрослеет никак. Суетится, суетится.

Предаваться ностальгии помешал звонок сотового.

– Аркаш, вы сейчас должны быть неподалёку от парка Горького, – прошепелявила в трубку Натали, диспетчер подстанции. – Я правильно вас там вычислила?

– Сразу видно, с математикой у тебя было о'кей. Мы в пробке, вообще-то, – уточнил он. – Но Парк нам по пути будет. Так что, продолжай, Лобачевская ты наша.

– Кома там диабетическая, – без предисловий выпалила Натали. – Вы ближе всех, поэтому загляни обязательно. Кома – твоя! Записал, док?

– Гм, записать-то записал. А что я за это буду иметь? – поинтересовался Аркадий, уловив, что в салоне стоит полная тишина: все прислушиваются к его разговору. Ещё бы: конец дежурства всё-таки. И «подцепить под занавес» тяжёлого больного никому не «улыбалось».

– Как всегда, – вздохнула трубка, – чайник браги и пирожок.

– Умеешь ты обрадовать. Лады.

Оглядевшись, он понял, что пробка давно позади, а Парк культуры будет минут через пять. И энтузиазма туда заезжать у его бригады не предвидится. Но – работа есть работа.

– Так что там было обещано? – уточнил фельдшер. – Колись, Аркадий Ильич, тут все свои. Поцелуй, небось?

– Чайник браги, – заземлил он Олега. – Могу поделиться, кстати. Более того, могу весь отдать. Да и мало мне одного поцелуя, посущественней бы что-нибудь. Поворачивай, Пахомыч,

в Парк культуры. Едем выводить из комы одного паренька. Сахарный диабет, классика, можно сказать.

Сколько пареньков, дедушек и бабушек ему довелось «выводить» из ком за прошедшие годы... Упомнить невозможно. Пространство города невозмутимо бороздили несколько десятков «повторно рождённых» – тех, кому Измestьев «завёл» остановившееся сердце. Кто-то даже поздравляет открытками в День медицинского работника и в Новый год. Последний праздник – особенно символичен. Можно сказать, роковой день для Измestьева. Признаться честно, побаивается доктор этого дня... Вернее – ночи, боя курантов.

Дело в том, что его самого однажды «завели» фактически под бой курантов, в одну из новогодних ночей. Когда-то с восемьдесят четвёртого на восемьдесят пятый он открывал бутылку шампанского, и она выстрелила раньше времени. Пробка угодила в открытый глаз... Такие вот встречались бутылки в застойные годы.

Рефлекторно случилась остановка сердца. На его счастье среди гостей оказался доктор, и «скорая» примчалась на редкость быстро. Доктора звали Стефан, он приходился Измestьеву дядей. Именно в ту новогоднюю ночь Аркадий решил стать врачом. Что было, то было, из жизни не вычеркнуть.

Поворот, проходной двор, клиника

На крыльце женской консультации Ольга вдохнула полной грудью. На дворе август, а на душе – поздняя осень с заморозками и длинными ночами. Что ж, Ольга Матвеевна, проскочить критический вираж своей жизни «на ура» не удалось, это надо признать.

Бывшая школьная подруга, а теперь гинеколог и кандидат наук Генриетта Зиганшина только что обнаружила у неё миому матки. Глупо сейчас округлять глаза, делая вид, что ничего подобного в жизни не слышала никогда. Может, и не слышала, но чувствовала интуитивно. На уровне подкорки, как любил иногда выражаться муж. Так сложилась жизнь. Сломать это «сложившееся» не у каждой мужества хватит. Большинство женщин предпочитают двигаться по линии наименьшего сопротивления.

Никаких Америк для Ольги одноклассница, в принципе, не открыла. Так, выплеснула то, что сама выучила «назубок», как опостылевшую роль. И – отправилась принимать следующую, возможно, такую же горемыку, как и Ольга, а может – ещё хуже... Неужто сама Генриетта такая суперправильная, неужто у самой график над кроватью висит?

Спокойно, ровесница, до тебя никому нет дела. Кто-то троллейбус ждёт, кто-то такси ловит. Бомжи сосредоточились над мусорным баком, словно шахматисты над доской. Утомлённо-упакованная мадам с двойным подбородком с покупками тащится вдоль витрины, своё мешковатое отражение разглядывая. Может, самое главное и не купила... Ей точно наплевать, насколько и у кого внутри что выросло. Это не на носу, дурёха! Миома, миома... Название подошло бы к майонезу. Гм, господа, разрешите вам предложить «высококалорийную миому». К мясу, к макаронным изделиям... Дошутишься, ровесница, не ровён час!

Поворот, проходной двор, клиника.

Совсем, как у Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Может, зря она со своими «тараканами» к Павлику? Вывалит сейчас, огорошит... Надо это ему? Небось, пациентов полный коридор. И все – к доктору Ворзониному. Для всех он – доктор Ворзонин, а для неё просто Павел. Хотя между ними ничего не было. Правда!

А могло бы. Ещё как! Стоит ей лишь глаза опустить в нужный момент.

Как странно. Есть любимый муж, но в своей проблеме Аркадию она не признается даже под страхом смерти. Другие бы – наверное, скорее всего, но не она. Пусть Аркадий отдалился от неё в последние дни, но она не теряет надежды, что у них образуется. Всё впереди, всё ещё будет...

Она пришла со своей болью к Павлу. К чужому человеку, с которым познакомилась больше года назад. Как ландшафтный дизайнер, Ольга что-то планировала для его психотерапевтического Центра... Проект был фактически готов, а они всё болтали, болтали. Ольга чувствовала лёгкость, почти девичью бесшабашность. То, что улетучилось тотчас, стоило выйти из кабинета. Может, Ворзонин тогда загипнотизировал её?

Потом, спустя какое-то время, она обратилась с просьбой пристроить Савелия. У парня была как раз ломка. И опять – лёгкость, решаемость любых проблем, даже таких сложных как эта. Сына достаточно эффективно пролечили. Хоть он вскоре сорвался. Всегда срывался, тут ничего не попишешь.

Сейчас кажется, что они с Павлом росли вместе, в одном дворе. Хотя доктор утверждает, что это было в предыдущей жизни. Может, несколько жизней назад. В иную историческую эпоху. Ольга с ним не спорит. Его правоту в подобных вопросах она признала давно. Кажется даже, он в неё влюблён, как мальчишка. Это немного забавляет. Только не сейчас.

Он чертовски мудр, этот доктор Ворзонин. Не зря женщины его обожают. Вон какой «малинник» у кабинета. Самый сок приёма! Она приблизилась к двери ровно настолько, чтобы

посеять панику в стройных рядах пациенток, больше похожих на эстрадных фанаток, но к открытой конфронтации прибегать не стала. Сотовый телефон для чего создан?

– Павел, это я... в коридоре... у твоего кабинета. Надо бы поговорить.

Ни разу ещё он не требовал уточнения: кто именно у кабинета, всегда узнавал с первого раза.

Сегодня ей показалось... Только показалось, что в его глазах мелькнуло, пусть на долю секунды, но она прочитала. Разгадала, как ребус. Мужики, в принципе, все одинаковы, и этот психотерапевт с кучей регалий и научных званий – увы, в потоке не исключение.

Жутко примитивный народ! Нехитрый выбор между сексом и всем остальным. Если перед ними интересная женщина, то весь спектр взаимоотношений с ней тотчас раскалывается на «это» и остальное. А это что угодно: уборка квартиры, варка борща, совместное конспектирование, работа над презентацией, прыжки с парашютом. В зависимости от пристрастий, уровня или этапа взаимоотношений...

Но всё туго напичкано по одну сторону, по другую – только секс. Ну, там, прелюдия, апогей, «ахи-охи»... По другую сторону свобода, масса пространства – воображай, фантазируй, оттягивайся. Но – на уровне плоти, с подключением инстинктов, рефлексов и прочей запрограммированной мокроты, как любит выражаться муж. Другого днём с огнём не сыщешь.

Эх, Ворзонин, Ворзонин... И ты туда же. Запущена цепочка под кодовым названием «как использовать ситуацию». Как сыграть «в одни ворота». Конечно, Ольга пришла сама, на лице всё написано. А ты, кобелиное семя, пользуешься. Так пользуйся же, дрянь!

Она не смогла сдержаться, расплакалась. Разревелась по-коровьи. Всё, что сдерживало, словно растворилось, исчезло, кануло куда-то, и она дала волю слезам.

Ну почему это – именно ей?! Это наваждение, этот сноп, ворох, лавина?! Почему, почему? Нет чтобы мимо прошла, болезнь эта идиотская! Мало женщин на свете? Других женщин!

Слёзы лились рекой, водопадом. Рыдания душили, руки тряслись, как у матёрого алкоголика. Но ничего поделать она не могла.

А он-то как хлопотал! Павел Ворзонин, светило отечественной психотерапии, кандидат наук, без пяти минут доктор. И музыку включил, и валерианку накапал, и вентилятор направил, и на кушетку уложил.

Что это с ней? Климакс? Не рано? Она прислушалась, его речь звучала плавно и успокаивающе. Возможно, он говорил уже давно. Вечность? Или только что начал?

– ...гинекологи, как всегда, упрощают. На самом деле сейчас открою жуткий секрет, – в этот момент Павел прислушался, словно выясняя, сколько жучков понатыкано в кабинете. Потом махнул рукой и продолжил: – Этого никто не знает. Я имею в виду, как на самом деле влияет интенсивность половой жизни и регулярность на матку, придатки, предстательную железу... Не знает, и всё! Им кажется, что они смоделировали ситуацию на макаках, получили, к примеру, гиперплазию, и смело переносят данные на людей. Однако сейчас даже сам факт нашего происхождения от обезьян подвергается сомнению. Им выгодно представлять всё в таком свете, не более того. На самом деле миома возникает как у замужних, так и у незамужних, аденома – как у женатых, так и у неженатых. Не стоит искать чёрную кошку в тёмной комнате, скорее всего – её там нет. Никто не сможет провести черту, сказав, что здесь получаешь удовольствие, и в данном случае ничего не завяжется (хоть ты и эгоист чистой воды, так как «работаешь» исключительно на себя), а здесь – заботишься о продолжении рода. Этого никому не дано, понимаешь? Гинекологам – тем более. У них это скорее шоу, как на первом канале.

Он продолжал говорить. Ни разу не выказав беспокойства о том, что за дверью – легионы страждущих. Ольга не заметила, как тревога прошла, уступила место уверенности. Желанию продолжать жить, заниматься текущими делами...

Да, да, у неё почти закончен проект фасада нескольких корпусов местного курорта. Оплату проведут взаимозачётом, обещали три путёвки на сентябрь, в самый бархатный сезон. Ни Аркадий, ни Савелий ещё не знают об этом. Они тысячу лет не отдыхали нигде всей семьёй. Говорят, там просто рай осенью: настоящее буйство красок. Только бы всё получилось.

Знакомая «бумаженция»

Тополиные ветки отбрасывали от единственного на всю округу фонаря нечёткие тени. Роптание склонившихся людей прерывалось женским надрывным криком:

– Дайте что-нибудь сладкое, умоляю! Хоть конфету... хотя конфетой он подавиться может. Лучше воды... да не нужна минералка! Ну где же эта «скорая»? Венечка, милый... Очнись, Венечка...

Лежащий на скамье паренек, казалось, светился в темноте бледностью. Пары манипуляций Измествьеву хватило, чтобы диагностировать гипогликемию. Девушка рядом всё время что-то шептала, но Аркадий не прислушивался, действовал автоматически:

– Лена, глюкозу дробно, преднизолон... Олег, давление, кислород. Пахомыч, носилки, живо! Глубоко ушёл, паря. Шевелимся!

В машине девушка, которую звали Кристина, наблюдая за уверенными действиями медиков, несколько успокоилась:

– Мы с ним в кино ходили... Я предупреждала, что не надо на две серии, а Венечка настоял. Обычно он ужинал в это время.

Аркадию было не до спокойствия. Больной ему не нравился с каждой минутой всё больше. Не укладывался в стереотип. Ввели пятьдесят кубиков глюкозы, должен давно уже прийти в себя. Пульс, давление, кожные покровы, зрачки – в норме, но парень и не думал «просыпаться».

– Доктор, скажите, всё идёт... нормально?

Тревога доктора передавалась Кристине. Она хлопала больного по щекам, целовала его, гладила, нашёптывала нежности, но – без эффекта. Олег, заполняя «карту вызова», старался не смотреть в глаза Аркадию, но по его поведению чувствовалось, что тому также не по себе.

Машина неслась по ночному городу, асфальт блестел огнями реклам и витрин. Никому в городе не было дела до крошечной «скорой», с трудом вписывавшейся в опасные повороты.

– Он всегда по-другому из комы выходил, – лепетала Кристина. – Он давно уже должен... давно... Тут что-то не так, доктор. Вы всё правильно ввели? Ничего не перепутали?

– Успокойтесь, девушка, – Леночка сидела с каменным лицом и теребила ляжку на униформе. Не так давно все медики «скорых» и МЧС облачились в зелёные костюмы, за что некоторые из коллег стали звать их долларами. – Всё будет в порядке. Как зовут больного, фамилия, возраст?

– Что? А, да... – девушка кивнула и замолчала, потом, словно спохватившись, промямлила: – Поплевок Вениамин, двадцать де...

Договорить она не успела. Из горла больного вырвался всхрип, после чего последовал жутковатый вопрос:

– Какое сегодня число, господи?

Грубый гортанный голос словно звучал из глубины колодца. К тому же говоривший был явно не из этой местности, чувствовался странный акцент. Кристину сначала затрясло, потом началась истерика:

– Это не Венечка! Куда вы дели моего Венечку?! Это не его голос!!! Он не так выходил... Господи!!!

Леночка начала креститься, Олег выронил авторучку. Измествьев старался не терять самообладания, но колени начали подгибаться. В горло будто кто-то напихал ваты.

– Вениамин, – прокашлявшись, начал он, – вы слышите меня?

– Если вы ко мне обращаетесь, то прекрасно слышу! И спрашиваю, какое сегодня число и год, – повторил больной, не открывая глаз. – И прекратите называть меня Вениамином. Или Венечкой, терпеть не могу это имя!

– Останови, Пахомыч! – Леночка забила в истерике. – Чур, не я! Чур, не я! Я выпрыгну на ходу! Ради бога, останови – и – и – и! Не могу больше!

– Уже подъезжаем! – нервно отозвался водитель. – Вторая клиническая, санпропускник. Эндокринология на третьем этаже. Один поворот – и мы на месте.

– Вас, Вениамин... Или как вас там, – пытался взять под контроль ситуацию Измestьев. – Мы госпитализируем в больницу, вас следует полечить. Вы больны...

– Какая больница? Зачем лечить? Ничего мне не надо, – нервно оборвал его больной. – Я чувствую себя прекрасно. Вот, смотрите.

С этими словами он сел на носилках. Кристина без сознания медленно сползла вниз. Леночка раскрыла на ходу задние дверцы, а доктор сидел, как вкопанный, глядя в зеленоватые глаза того, кто совсем недавно валялся в парке на скамейке.

Внимание больного тем временем привлекла «карта вызова», которую до этого заполнял Олег:

– Знакомая бумаженция, хм... – пробубнил он, ввергая всех в шок. – Только со временем пожелтеет и край её начнёт махриться. А так... узнал, узнал. Да, если бы не она, не быть бы мне сейчас в вашей тесной компании. Прилетел, нечего сказать!

Словно инопланетное существо сидело сейчас перед Аркадием, зачем-то тянулось к наполовину заполненной карте, интересовалось датой своего «приземления». Кое-как сохранив самообладание, он с силой уложил больного на носилки. Едва Пахомыч остановил машину, Аркадий кивнул Олегу, мол, давай, транспортируем. Кое-как они перенесли «Вениамина» в приёмное отделение.

Кристина пришла в себя лишь после вдоха «нашатырки». Конечно, она осталась с больным в санпропускнике.

Обратно ехали молча, лишь Леночка периодически всхлипывала, глотая слёзы. Возвращаясь домой после смены, Аркадий с Олегом заскочили в круглосуточный супермаркет и купили по бутылке водки. Выпили по дороге.

К утру Измestьев смутно помнил подробности дежурства.

Секс накануне перестройки

Зачем она вспомнила про это? И как язык повернулся такое сказать?! После божественного вечера и сказочной ночи. После совершенно чумового секса, какого у доктора не было уже несколько лет.

Кажется, от здания банка до ресторана их отвёз всё тот же чёрный «лексус». Аркадий, мягко говоря, вёл себя не лучшим образом: приставал к банкирше на глазах секьюрити. По их каменисто-равнодушным рожам догадался, что им приходилось и не такое наблюдать.

В ресторане, помнится, несколько раз заказывал любимый шлягер Жанны «Не говорите мне прощай». И словно открылось второе дыхание, никак не мог натанцеваться. Аленьевская пила «Божоле», Аркадий в основном налегал на водочку. Все вокруг казались родными, с каждым из присутствующих в зале доктор готов был пить на брудершафт.

Следующей серией мыльной оперы суждено было стать их неравному поединку в спальне двухуровневой квартиры банкирши. Где он, собственно, и проснулся минут десять назад. И – такое услышать!

– Ракеш, я всё привыкла делать сама за эти годы, – в прозрачном белом пеньюаре она сидела перед ним на полу по-турецки и дымила сигаретой. – Ты знаешь, плохо это или хорошо, но по-другому не хочу. Думаешь, я ту ночь не помню, когда у тебя... ничего не вышло. Она стала точкой отсчёта. Ты уж прости, но я привыкла к конкретике. Да, да, та самая ночь. Припоминаешь?

Лоб Измествьева покрылся испариной: он вспомнил конфуз и жуткую беспомощность, когда был разрушен ореол школьного Казановы, перед которым якобы ни одна старшеклассница не могла устоять. В ночь выпускного бала он потерпел фиаско, такое больше не повторялось ни до, ни после. Ну зачем же вспомнила про это?!

– Да, конечно, – кивнул он, отводя глаза. – По-свински вышло, прости, Жанк... Я все эти годы...

– Не просто по-свински, Ракеша, – перебила, выпустив струю дыма в потолок. Словно выжидая паузу, чтоб в его сонной голове отчётливо проступил кадр двадцатилетней давности. – Я потом мужиков возненавидела. На подкорковом уровне, это от меня не зависело. Впечатлительная слишком была. Ты поступил, как жлоб... самого низкого пошиба. И, кто знает, может, ты и сделал меня такой. Но сейчас уже ничего не исправить. Как сложилось, так сложилось. Меня устраивает моя жизнь. Возможно, она не идеальна, но ничего менять в ней не собираюсь.

– Но нам было... сегодня, я имею в виду, замечательно, – отбросил он простынь, забыв, что плавки вчера, будучи «в дрезину» пьян, закинул куда-то за трельяж. – К чему всё усложнять? Двадцать лет назад я был другим, столько воды утекло...

– Да, замечательно. В эту ночь – да. И не собираюсь отрицать очевидное. Давно так не летала, как с тобой, и очень тебе благодарна. – Она поднялась, подошла к столику с пепельницей, и резко раздавила сигарету: – Но признайся самому себе, Ракеш, ты любишь до сих пор выпускницу – ту наивную десятиклассницу из восьмьдесят пятого года. Ты её любишь, ведь так? К чему скрывать?

Он не смог выдержать прямого взгляда, как бы извиняясь, развёл руками:

– Ну, так...

– Вот! – Жанна сжала кулачки, подошла, наклонилась так, что он задохнулся от открывшегося вида за капотом пеньюара, и потрясла ими перед его опухшей физиономией. – Что и требовалось. А я... совершенно другой человек. Стала такой, тут ничего не попишешь. И больше такого, как сегодня... не будет. Никогда, уж извини. Это было в последний раз. И – хватит об этом!

– Почему? – Измestьеву показалось, что захлопываются двери камеры-одиночки. Остались считанные секунды – и они закроются окончательно. Он залопотал, почти закудахтал: – Мне тоже понравилось, спасибо тебе, ты... чудо, здорово, фантастика...

– Ой, ой... К чему этот треп, Измestьев? – резко плюхнулась на кровать рядом. И застыла, не поворачивая головы. А он залюбовался её профилем. – К чему эта банальщина? Прибереги красноречие для своих многочисленных девах. Я не сомневаюсь, их не один десяток, и они готовы тебе... ну, ты понимаешь. Как я сказала, так и будет. Раньше надо было думать! Двадцать лет назад, кажется? Сегодня у меня всё замечательно. Год назад выдала дочь, Женьку, замуж за москвича, квартиру им сделала в Марьино... Он тоже, кстати, доктор, хирург-косметолог, уже кандидат медицинских наук, заведует отделением.

Она потянулась к журнальному столику, на котором стояла цветная фотография в декоративной рамке. На Измestьева взглянула улыбающаяся Жанка из его школьной юности, в белом свадебном платье, рядом с «упакованным» в кремовый костюм серьёзным женихом. Доктор невольно залюбовался девушкой. Одного взгляда на фото было достаточно, чтобы констатировать: эту пару ждёт блестящее будущее. Фантастическое.

– Женьку, значит... Ты Жанна, она Женька. Твоя копия, один в один... Не слишком ли много женского в именах? А как зовут твоего зятя? – вполголоса поинтересовался у бывшей одноклассницы. – Кажется, где-то мы уже пересекались.

– Костя... Константин Фаревский. Насчёт того, что пересекались – вряд ли. Он в нашем городе пока не бывал, только ещё планирует. Через месяц какая-то конференция здесь намечается. Как раз по его теме. Кажется, у него доклад. Приедет – могу познакомить.

– Если не секрет, – набрался доктор смелости, – кто отец девушки?

– Вообще-то это тебя не касается, но я отвечу. Не ты, сам понимаешь, хотя мог бы! – банкирша укоризненно сверкнула на него глазами. – Я не любила его, он погиб в Афгане... Перед самым выводом войск. Я поначалу, до его гибели, планировала сделать аборт, но потом... Решила оставить. И хватит об этом!

– Сочувствую, но... на твоём месте я бы не спешил с ответом, – вкрадчиво пробормотал Измestьев, возвращая фотографию.

Жанна поставила фото обратно на столик, затем медленно повернула голову и произнесла то, что он никак не ожидал услышать:

– Кстати, у меня есть подруга, у неё офис прямо над моим. Зовут Люси... Так вот, она не против тебя приютить на своей груди. Дело в том, что у неё несчастье случилось. Бойфренда подстрелили. Такое случается в нашей жизни, ты в курсах. Грудь у неё, кстати, не чета моей. Только свистни, я познакомлю...

– К чёрту подругу, – он сжал кулаки, вскочил, обмотавшись простынёй. – Зачем мне подруга? Ты что, издеваешься?

– Всё, разговор закончен, – отчеканила она. – Не нужно меня больше провожать!

Потом он слушал, как нервно она одевается в другой комнате. Визжали молнии, трещала материя. Хотелось ворваться, сграбастать в охапку и уже не отпускать. Это его женщина, его, и никому её не отдаст! Они подходят друг к другу, как ключ к замку. Такое сочетание – одно на тысячу. И дело тут даже не в её профессии, вернее, не только в ней...

Он не посмел послушаться. В голосе банкирши прозвучала такая сталь, что настаивать на чём-то было глупо. И продолжал стоять посредине спальни. Чего ждал, спрашивается?

Подробности того выпускного вечера прорисовывались в памяти всё чётче. Мальчишка, юнец, молокосос. Всё испортил, салага! Проследил бы за базаром – и, глядишь, всё по-другому бы завертелось. Ах, трепач, ах, дешёвка!

Июнь в том году выдался тёплым, тополиный пух забивал глаза и ноздри. Не хотелось уже ни пить, ни танцевать. Выпускники пошли встречать рассвет, большинство парней и девчо-

нок разбились по парам. Гусары, поручики, корнеты... Иерархия соблюдалась беспрекословно. Какое времечко струилось! Романтизм! Куда всё подевалось?

Они с Жанкой специально отстали, а когда все повернули в парк культуры, юркнули в один из проходных дворов, и – были таковы! Только их и видели. Школа позади, впереди – неизвестность.

Юность не взвешивает каждое слово, она предпочитает рубить с плеча. Лучше – чтобы наотмашь. Почему он просто не поцеловал её в щёку и – не отчалил... от греха подальше?! До лучших времён. Всё двигалось бы своим чередом, поэтапно: любовь-морковь, шуры-муры.

Нет, ему приспичило тогда! Ни до, ни после. Зачем поднялся вслед по оплётанным ступенькам! Она не настаивала, но и не запрещала... Как бы говорила: если чувствуешь уверенность в себе, если повзрослел окончательно, что ж – флаг тебе в руки... Выбор за тобой, вожак! Она хотела быть ведомой. Жанка Аленинская, самая непонятная девчонка из класса. Она умела отбивать ухажёров, могла сказать при всех обидное, но только не в его адрес.

Боже, она любила его в те дни! Неужели это было именно с ним?!

В темноте прихожей, как пишется в дамских романах, случайно коснулся её маленькой груди. Задышали, засопели, как взрослые. Но если сейчас это – укрепившийся инстинкт матерого мужика, тогда, в далёком 85-м, – скорее наносное желание казаться таковым. Что-то было до этого... Вот именно, что-то! А кто проверял? Так, ширли-мырли, не более.

Дышали, обнимались, целовались всасос. Она не сопротивлялась, когда Аркадий добрался до её трусиков. Это сейчас уже понимает, насколько она доверилась тогда. Чисто поженски. Насколько она была выше, взрослей, мудрее... А он копошился без знания дела, как часовщик в будильнике. Старьёвщик, блин!

Когда пришло время действовать, когда все карты раскрылись, когда нагота, как лепнина, задышала под рукой – вот я, дотронься, не обожгись только. Делай, что хочешь, но не тьяни время, не отстраняйся, не дистанцируйся, не переводы в игру, ты – не посторонний. Возьми ноту, не сфальшивь! Шевелись! Действуй!

А он спёкся. Понял, что ничего не выйдет, загодя. Будучи совершенно не готовым к такому исходу, облажался, как сейчас говорят. Дал стрекача. Оделся, вышел на балкон, закурил.

Она лежала, ждала, ждала... Потом оделась, вышла к нему, прижалась. Как он её ненавидел в те минуты! Свидетельницу его позора. Ни в чём не виноватую. Что делать? Как быть? – Аркаш, не расстраивайся! – донеслось до него. – В следующий раз обязательно...

Он понял, что или сейчас, или никогда. Если даст ей закончить фразу, если смолчит, уважать себя перестанет. Идиот! Недоросль! Мальчишка!

– Что?! – прошипел по-змеиному, помнится. – Ты что о себе возомнила? Дело не во мне, дура! На себя посмотри! Другие девки, как девки, ничего из себя не корчат, работают, а эта... – окинув Жанну презрительным взглядом, выстрелил окурком в алеющий восток, резко оттолкнул её, развернулся.

Поначалу она ничего не поняла, широко смотрела, как он одевался, как нервно зашнуровывал ботинки в прихожей.

– Эх, Аркаша, Аркаша, – последнее, что услышал он с лестничной площадки перед тем, как хлопнуть дверью. Утренний ветер «прошил» его сверху донизу, сразу же зазнобило. Кажется, начал моросить противный мелкий дождик.

Подняв голову, разглядел Жанну на балконе, перематерил себя последними словами. Она держала руку у рта. Чтобы не разрыдаться. Он спешно повернул за угол. Словно подвёл черту под тем, что случилось в эту ночь, что вообще было в школе, в юности...

Больше они не виделись. До случайной встречи в парке неделю назад. Только на этот раз не он от неё отстранялся, а она. Имея полное на это право.

Двадцать лет... Даже больше. Словно их и не было. Так всё остро накатило, что чуть с «катушек не съехал». Он сейчас – в её упакованной квартире. Опомнился, когда она хлопнула дверью. Кажется, сказав что-то про холодильник и про то, что дорогу домой самостоятельно найдёт. Сообразил, что на дворе – 21 век, ему почти сорок, и хорохориться, как в юности, не перед кем.

Быстро одевшись, подошёл к широкому окну, взглянул на панораму просыпающегося города. Как дальше-то жить?

Потом прошёл вглубь квартиры, взял с тумбочки свадебную фотографию её дочери. Как бы он хотел оказаться на месте счастливого жениха! Полжизни бы отдал за это! Девушка была похожа, как две капли воды, на Жанет образца восьмидесятых.

Русалка без дельфина

Кристина смотрела на дремавшего Вениамина и утирала одну слезу за другой. Даже во сне он теперь был другим. И не хотелось его погладить, поцеловать спящего, как это случалось раньше.

Господи, если бы он тогда, очнувшись, назвал её русалкой, если бы... Всё бы было по-другому. Это их мир, созданный певцом и композитором Игорем Николаевым: она – русалка, он – дельфин. Когда-то на концерте Николаева они познакомились и решили друг друга так называть.

Обычно, выходя из комы, Вениамин с укоризной замечал: «Опять плакала, русалка!» И сразу становилось легко и хорошо. Эти слова означали, что болезнь не смогла его отобрать. Вновь победа осталась за ними, и жизнь продолжалась!

Но в этот раз он не назвал русалкой. Более того, не заметил вовсе. Теперь она для него – пустое место, и это было страшнее всего.

Всегда думала, что любовь сильнее болезни. Считала, любовь поможет им выстоять. У них обязательно будут дети, здоровые дети. Вообще, впереди ждёт замечательное будущее. И оба были уверены в этом. До того, как сходили в кино.

Вениамину резко стало плохо, она не помнила, чтобы он «загружался» так быстро, буквально на глазах. По лбу покатались крупные капли пота, его затрясло и...

Увидев потом, после «пробуждения», его глаза в машине «скорой», Кристина словно в ледяную купель окунулась: другой взгляд, другой голос. Перед ней на носилках был не тот человек.

Сколько она выревела потом, сколько предпринимала попыток достучаться до любимого, – всё тщетно. Разговор с профессором-психиатром, который консультировал её «Венечку» вскоре после выхода того из комы, почему-то особо запомнился.

Профессор постоянно проверял, крепко ли дужки очков держатся за раковины его оттопыренных ушей, при этом не уставал повторять, что подобные случаи в его практике были неоднократно.

– Видите ли, милочка, – мурлыкал он, то и дело проводя пухлыми ладошками по заушинам. – Мы живём в сумасшедшее время, в сумасшедшей стране. Наркотики, алкоголь... Да что я говорю, вы всё сами знаете... Молодёжи трудно, столько вокруг соблазнов. Тяжело устоять-то!

– Веня не пил, наркотики не употреблял! – категорично заявила Кристина. – И не курил, у него был диабет!

– Я всё понимаю, деточка. И не про то совсем говорю... Психическая патология множится, приобретая новые формы. Слово шизофрения, думаю, вам знакомо? – он замолк на мгновение, пристально взглянул поверх очков и, дождавшись кивка, продолжил: – Одним из классических её признаков, как мы знаем по голливудским фильмам, является раздвоение личности. Два разных человека как бы оказываются одним целым.

Дальше слушать уже не могла. Взметнув вверх кулачки, разревелась. Слёзы душили, не давая говорить:

– Что вы мне зубы заговариваете?! Причём здесь Веня?! Он нормальный был. Кто его украл у меня? По какому праву?

Когда ей накапали валерианки, профессор продолжил:

– Личности не обязательно живут в поражённой болезнью психике параллельно, они могут, и это важно понять, последовательно сменять друг друга. До двадцати лет, скажем, одна подавляла другую, но после двадцати, к примеру, подавленная вдруг вырвалась из-под опеки и заявила о себе. Это может быть единственным проявлением болезни. Так и с вашим... э-э-

э... Вениамином, кажется. Он... просто перестал им быть. Вот так взял и перестал, как это ни смехотворно звучит. Его сменил кто-то другой, понимаете? Доселе неизвестный. Они как бы поменялись местами. Я понимаю, это дико звучит, но с этим приходится мириться, хотим мы или нет. Сейчас он – победитель, просто взял и вытеснил прежнего хозяина из его оболочки. Выждал, так сказать, удобный момент...

– Удобный момент – это кома? – уточнила притихшая Кристина. – И надолго... вытеснил? Когда мой Венечка обратно вернётся?

– Кто ж знает! – развёл руками профессор. – Бывают такие формы, когда обе личности контактируют друг с другом, советуются, в общем, живут, как братья. А случается, что их пути никогда не пересекаются. Один приходит на смену другому. И не подозревает о существовании другого.

– А где же другой в это время находится?

– Спит, попросту говоря, – ухмыльнулся профессор. – Находится в заторможенном состоянии, заблокирован. И может находиться в нём сколь угодно долго. Ему не требуется в это время ни воздух, ни пища, понимаете?

Она понимала одно: её Дельфина больше нет, и никогда не будет. Какие бы профессора ни утешали, какие бы бредни ни рассказывали. А поскольку «перерождение» происходило на её глазах (она не отходила от Вени ни на шаг), то и винить в произошедшем некого.

Вот, значит, как: её Венечка где-то рядом, дремлет. Как же его пробудить? И где гарантия, что, раз пробудившись, он вновь не «уснёт» в самый неподходящий момент?! Чехарда получается.

Кажется, она немного задремала. Кровать под Венечкой внезапно заскрипела, и глухой незнакомый голос влетел в уши:

– Ты даже представить себе не можешь, какие страшные годы это были, – бледно-зелёный, как изнанка медузы, Венечка сидел перед ней, и худые коленки ходили туда-сюда. – Как всё просочилось в прессу, одному богу ведомо. Казалось, нас ждёт впереди хаос.

– Венечка, ты о чём? – отшатнулась она от него, едва не упав со стула. – Какие годы? Какая пресса?

Он внезапно зажмурился, как бы считая в уме, потом взмахнул руками:

– Когда эрмикцию открыли. Голографическое перемещение во времени. Всем захотелось вдруг жизнь заново прожить, представляешь?! Все её жили не так, как хотели бы. Массовое паломничество началось. А того не учли, зулусы, что в прошлом должна быть маленькая такая... – Вениамин показал костлявыми пальцами размер. – Махонькая-махонькая, но всё же... клиническая смертушка. Посадочная площадка! Иначе как...

– Что ты несёшь? – закричала, затопала ногами Кристина. Показалось, что если она сейчас не остановит своего любимого, то через минуту начнёт ему поддакивать, кивать головой, дескать, понимаю, верю, не сомневаюсь... Уж лучше в петлю, чем в такое... соглашательство.

Псевдо-Вениамин вдруг замолчал, громко икнул, скользнул по ней взглядом, чему-то усмехнулся. Потом вскочил с кровати, протиснулся мимо заплаканной Кристины и крадучись выскользнул из палаты. Она не пыталась его остановить. Зачем?

Крутой попкорн

Две бутылки «Боржоми» были опростаны в считанные секунды. Смачно отрыгнув, Савелий уронил голову на стол:

– Кто бы знал, как паршиво мне сейчас! У-у-у... Никого не хочу видеть, пошли все отсюда! Вон! – промычал он и ударил кулаком по столу так, что одна из бутылок упала и пока-тилась.

Едва успев её подхватить, Ольга уселась на табурет рядом с сыном. Подобные состояния у Савелия случались часто, он называл это – «раскумариваться». В такие дни он ничего не ел, много пил и злился на всех.

– Может, поспишь, Савушка?

Сын медленно поднял на неё водянистые с красными прожилками глаза. Она уже знала, что резкие движения причиняют ему боль.

– Сколько раз тебе можно говорить: бессонница у меня. И ночью, и днём – сна нету. – Он с силой начал колотить головой по полировке стола: – Не-ту, не-ту, не-ту.

– Савушка, опомнись! – закричала Ольга, всплеснув руками. – Что ты делаешь? Господи! Отец сейчас должен прийти...

Заикнувшись о муже, тотчас пожалела о сказанном. В последние дни между отцом и сыном Измestьевыми словно чёрная кошка пробежала: оба друг друга на дух не переносили. Не зная причины, Ольга чувствовала себя таким буфером: если бы не она, те давно бы сожрали друг друга.

И сейчас, услышав про отца, Савелий напрягся:

– Думаешь, патрубок зайвится – мне полегчает? – на секунду зажмурился, словно пережидая приступ мучительной колики. – Святая простота, ма... Это для своих... страждущих больных он, блин, спасительная помощь. Лично для меня он – что тряпка красная для быка, почти убитого, кстати. Терпеть не могу, ненавижу... Мразь!

– Да когда ж это кончится? – сквозь слёзы простонала Ольга.

– Никогда, – твёрдо заключил Савелий. Его лиловые щёки затряслись, кадык на худой шее задёргался. Ольга знала: ничего хорошего это не предвещает.

Звук открываемой двери прервал начинавшийся приступ, оба на секунду замерли. Савелий опомнился первым: ткнув указательным пальцем в потолок, округлил глаза:

– Помяни чёрта, он тут как тут, сам пожаловал! Попс! Не прошло и минуты, как о нём вспоминали. Это ли не счастье! А мы не ценим, близорукие, блин!

– Что он тебе сделал плохого? – всхлипывая, поинтересовалась мать.

– Почему обязательно мне? – искренне удивился Савелий. Ольге показалось, что дрожь на секунду отпустила его. – Только не надо делать вид, что ты впервые слышишь это! Почему я не могу ненавидеть из-за тебя?! Он тебя вокруг пальца водит, двуликий анус! А ты делаешь вид, что всё о'кей, а я не намерен прощать его закидоны. У меня всё это знаешь, где застряло?

– Замолчи немедленно! – Ольга испугалась не на шутку. Столько подробностей сразу она бы не вынесла. – Умоляю тебя!

– Пусть продолжает, мать, – послышалось из прихожей. – Не сдерживай порыв. Мне самому интересно. Продолжай, Савёл, я слушаю.

Ольга схватилась за голову, предчувствуя приближающийся, словно цунами, скандал. Аркадий медленно шагнул на кухню, перекрыв пути для отступления и жене, и сыну, как бы подчёркивая, что час пробил, и пора ставить вопрос ребром. Савелий отрешённо улыбался, сидя на табурете.

– Такого удовольствия я не собираюсь тебе доставлять, – причмокивая, прохрипел он. – Перебьёшься на изжоге. Как-нибудь в следующий раз, ма... Скучно с вами, как в краеведческом музее, честное слово. Тягомотина одна. Никакого разнообразия.

Едва не потеряв равновесия, он протиснулся мимо родителя.

– Вот так, мать, – натянуто улыбаясь, Измestьев-старший прошёл к окну, открыл створки. – Не заметили, как стали музейными экспонатами. Скучно с нами! В утиль скоро сдадут. Савушка то, Савушка сё... Прими слабительное, Савушка. Сколько можно с ним сюсюкаться?

Сын тем временем медленно двигался в свою комнату. У самых дверей задержался, какое-то время размышлял, говорить или нет, потом махнул рукой и исчез в комнате. Ольга сидела, уронив голову на руки, её плечи изредка вздрагивали.

– Можно подумать, это ты с ним сюсюкаешься, – кое-как разобрал Аркадий приглушённый голос жены. – Ты давно отошёл от семейных проблем. Словно не касаются. Нечего из себя благодетеля разыгрывать. Ты сына никогда не любил. Как будто он не твой вовсе, а так... нагулянный.

– Что несёшь?! – вспылil Аркадий. – Взбредёт же в голову! Только твоя... безразмерная родительская любовь не даёт, как видишь, результатов. Он нас с тобой в грош не ставит.

Дверь комнаты Савелия неожиданно открылась.

– Только обобщать не надо! – голос сына прозвучал неожиданно серьёзно. – Это ты нас в грош не ставишь. Нас с маман, подчёркиваю. Ты сожалеешь, что женился, что я родился. Мы для тебя – неудачный, черновой, так сказать, вариант. Ты намереваешься переписать заново...

– Господи, Савушка, как ты можешь?! – навзрыд прокричала Ольга, сотрясая в воздухе кулаками. – Это отец твой! Родителей не выбирают!

– Вот именно, как национальность. Как разрез глаз или рост. Я знаю, что говорю! – сын стоял в лучах закатного солнца, уперев руки в бока. – Этого попса интересуют в основном крали в ажурных колготках, в чёрных «Мерсах» и «Лексусах», которые ворочают миллионами и заведуют банками. А мы с тобой ему по барабану.

Измestьев-старший ощутил, как в трахею ему кто-то сыпанул мелко истолчённый мел, закупорив оба бронха намертво. Будучи не в силах продохнуть, раскрыл рот, подобно выброшенному на песок окуню.

– Я не хотел говорить, – продолжал тем временем Савелий, – но ты сам напросился. Кажется, кралю эту твою зовут Жанна Алeneвская. Одноклассница, вроде. У неё ты провёл предыдущую ночь. Только ты ей нафиг нужен, она и послала куда подальше. Теряешь квалификацию, попс!

– Это правда? – спросила Ольга, когда Савелий закрыл дверь.

– Ну, встретились мы позавчера с Жанкой, – начал Аркадий подготовленную речь. – Посидели в «Камских огнях», вспоминали школьные годы. Дальше-то что?

– Я спрашиваю не про это! – завизжала Ольга. – Ты прекрасно понимаешь, о чём...

– Дальше – его на «скорой» не было вчера, никакой ночной смены, вот! – перебил сын, вновь приоткрыв дверь. – Кто-то другой вместо него дежурил, прикрывали... Но спрашивать у сотрудников без пользы, там всё схвачено. Круговая порука, так сказать. А у водителей, к примеру. Есть там такой... Усатенький. О, представляю... Это был крутой попкорн. Не так ли?! А то, что вы вразжопицу с маман спите... Так это ни для кого не секрет.

Прямой удар в челюсть свалил Савелия с ног. Когда-то в молодости Измestьев занимался боксом. Не думал, что придётся вспоминать на сыне, никак не думал...

Ольга заревела в голос, упав на колени. Приподнявшись на локтях и сплюнув сгусток крови, сын закончил фразу:

– Ни для кого, в том числе и для «скорой». Вся шоферня в курсах. Какие ещё требуются доказательства?

«Сука, Пахомыч! – пронеслось в разгорячённой голове Аркадия. Об этом как-то не подумал. – Ну, сынок, ну, выкормыш!» Он действительно не подумал, что водители не знают, что следует отвечать по телефону. Так они никогда к телефону и не подходят. Если к ним конкретно не подъехать, конечно. Савёл, видимо, сам... Всё – дерьмо, дерьмо».

Чего скрывать, Аркадий частенько прикрывал ночными дежурствами свои «заплывы». Коллеги были в курсе, тем более, те случались практически на их глазах. Особенно – с медсестрой Леночкой. Его прикрывали в случае, если Ольга вдруг звонила среди ночи, просила позвать к телефону. В основном попадало, когда у Савелия случалась очередная «ломка». До сегодняшнего дня всё шло гладко. Во всяком случае, так Аркадию казалось.

– Хватит! – крикнула неожиданно Ольга, поднимаясь с коленей и вытирая слёзы. Схватив со стола стакан, бросила его на пол. Стакан, как ни странно, уцелел. – Достаточно на сегодня! Я не вынесу больше! Можешь врать что угодно. Раз сын в курсе, то зачем изображать прилежную семью, да? Не стоит корячиться. Расслабься. И так переусердствовал...

– О чём это ты? – несколько фальшиво удивился он, захлопнув дверь в комнату, где на тахте очухивался после удара его родной сын. Вернувшись к жене, старался не смотреть ей в глаза. – Я ничего не изображаю. Даже не думаю... Я просто живу. Пытаюсь жить, вернее.

– Да, ты примерный муж, – она взглянула, быстро отвела глаза в сторону, как бы подбирая слова. – Особенно в постели. Я... никогда не выносила сор из избы... А тебя это устраивало. Ох, как устраивало! Так и жили слепыми. Не замечали... Делали вид.

Он молчком вышел в прихожую, оделся, обулся, задержался на несколько секунд, но, так ничего не сказав, покинул квартиру. Его никто не удерживал.

Самородок

– Ты куда смотрела, недоросль?! – худосочный доктор, тонким носом и неприбранными усами напомнивший Кристине почтальона Печкина, словно попытался подцепить шкафоподобную санитарку за край халата и опрокинуть на выдавшую виды каталку. – Ну не мог же невидимкой проскользнуть, он вышел через дверь!

– Дак я... Дак на минутку, – оправдывалась та, широко разводя руками, любой из которых запросто при резком движении могла бы отправить исходящего криком докторишку в получасовой нокаут. – Дак в туалет отошла. Эрвин Эммануилыч... Ненадолго.

– Ключ тебе на кой ляд даден? Чтоб закрывала дверь! У нас не психиатрия, заборов и видеонаблюдения нет. А по поводу этого больного тебя предупреждали конкретно, – голос доктора истошно дребезжал, словно по ржавой железной кровле маршировал полк оловянных солдатиков. Обладатель «дребезга» продолжал при этом наступать на провинившуюся санитарку.

Кристина стояла боком в проёме дверей и не знала, что ей делать. Она уже тысячу раз пожалела, что сообщила «почтальону Печкину» об уходе Вениамина из клиники, но кто мог знать о подобной реакции! Зачем она здесь, среди мрачноватых медсестёр и мужеподобных санитарок? Среди серых стен и старых оконных рам?

У доктора вдруг кончился запал, он как-то осунулся, сгорбился, повернулся и поплёлся к себе. Когда проходил мимо посторонившейся Кристины, та расслышала:

– Нет, я так больше не могу. Хватит с меня. С кем работать приходится! Господи, один сброд, один сброд. Где теперь его, беглеца этого, искать? Не во всероссийский розыск же подавать!

– Я найду, – вырвалось у Кристины.

«Печкин» замер в опасной близости от девушки, зеленоватые с прожилками глаза при этом ненадолго юркнули ей за капот. Вынырнув оттуда, эскулап принял решение:

– На пять минут в ординаторскую зайдите... э-э-э... барышня, – галантно посторонился, жестом вождя мирового пролетариата указав единственно верный путь.

«Хорошо, хоть барышня, а не недоросль», – мелькнуло у девушки.

– Если не секрет, где вы собираетесь вашего... вьюношу искать? – поинтересовался «почтальон Печкин», усадив девушку на диван и закрыв на шпингалет дверь ординаторской. – Боюсь, этого не знает никто в нашем городе.

– А я знаю, – невозмутимо отчеканила Кристина. – Вот только приводить его обратно потом не намерена! Вы ничем не можете нам помочь, я убедилась в этом!

– Эх, молодость... – усаживаясь за стол напротив девушки, «Печкин» мечтательно вознёс глаза к потолку. – Что вы подразумеваете под словом «помощь»? Почему я так разошёлся? – тут доктор внезапно умолк, видимо, для того, чтобы Кристина поняла, что «расходится» так он не чаще, чем раз в квартал. – Диагноз ещё окончательно не установлен. Именно сегодня вашего... Жмиркина...

– Поплевко, – исправила Кристина.

– Ну да, ну да... Именно сегодня у нас собирается консилиум по его поводу. И девяносто девять процентов за то, что диагноз окажется весьма неутешительным. А значит, нужна изоляция, он не безопасен для общества, понимаете?

– Что? – Девушка вскочила, сделала несколько решительных шагов по направлению к «почтальону Печкину». – Венечку в психушку?! Не будет здесь его, слышите? Никогда! Это происходило на моих глазах. И я чувствую ответственность. Я помогу Венечке. Я верну его к жизни!.. Это мой долг, в конце концов!

– Каким образом, милая? – мастерски вставил в какофонию аргументов свой вопрос доктор, заставив Кристину «споткнуться на ровном месте». – Я имею в виду, как вам удастся вернуть его к жизни? Вы имеете отношение к психиатрии?

– Это... моё дело, и вас оно не касается, – не очень уверенным голосом произнесла девушка. – Но я намерена идти до конца. Я буду бороться за Венечку.

– Думаю, вы не представляете всех последствий того, что случилось, но если вдруг вам удастся задуманное, пожалуйста, позвоните мне по этому телефону, – «почтальон» поднялся из-за стола и направился к ней. Как-то незаметно у неё в руках оказалась голубая «визитка». – Кофе не хотите?

– Спасибо, – растерянно пробубнила Кристина, пряча «визитку» в сумочку. – Мне сейчас не до этого.

– Напрасно, матушка. Про себя, любимую, никогда не стоит забывать, – наполняя чайник водой из-под крана, доктор затараторил с невероятной скоростью. – Если будем любить себя, то и окружающим с нами будет хорошо. Даже в Библии сказано, что следует полюбить своего ближнего, как...

– Пошли вы, знаете куда, со своей любовью! – она подбежала к дверям ординаторской, дёрнула шпингалет, содрав кожу на пальце, и выскочила в коридор. – Что ты можешь про любовь знать, будь тебе хоть сто двадцать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.